

Щелкова Е.Е.

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЕМАННСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В функциональной макросистеме современного немецкого языка полярно противопоставлены друг другу две формы существования – национальный литературный язык как универсальное и надтерриториальное средство общения и местные диалекты, территориально дифференцированные разновидности языка служащие средством общения в определенной местности [8, с. 30].

Целью данной статьи является выделение произносительных особенностей алеманнских диалектов и их сопоставление с фонетической системой литературного языка.

Теоретическая ценность заключается в дальнейшей разработке теории немецкой диалектологии, территориальных вариантов современного немецкого языка, представляющих значительный интерес как для лингвистов, так и для изучающих язык и его историю.

В понимании лингвистической сущности диалекта в его соотнесенности с немецким литературным языком в среде лингвистов-диалектологов нет полного единства [9, с. 56]. Что представляет собой алеманнский диалект? Первое упоминание о нем в лингвистической литературе относится к 1500 году. Само слово «alemannisch» указывает, что на этом языке говорили «alle Mannen», т.е. все люди. Сфера распространения алеманнского диалекта в настоящее время претерпела изменения как во временном, так и в пространственном отношении. Алеманнский характеризуется пограничным положением по отношению к швабскому и наличием многих общих характерных признаков, присущих данным диалектам [13, с. 25].

Впервые понятие «Alamanni», встречается в греческих и римских письменных источниках, в которых дается описание военных походов императора Каракалла против германцев в 213 году. Первое поселение германских варваров, населявших территорию между Майном и Лименсом, называли Alamanni. Один из авторов описывавших данные исторические события, Асиниус Квадратус, перевел понятие Alamanni, как «Mischvolk» (дословно - смешанный народ, т.е. люди живущие вместе). В 260 году аламанны захватили территорию между Рейном, Боденским озером и Иллером, принадлежавшую римлянам. Население, говорившее на данном, так называемом «смешанном» языке стали называть то швабами то аламанными. По всей вероятности их язык распадается на ряд диалектов, позднее получивших название: швабский, верхне-алеманнский, нижнеалеманнский [14, с. 124]. Сегодня эти диалекты относятся к швабско-алеманнскому наречию верхнегерманского ареала, южногерманского субареала, охватывающему Вюртемберг, Баден, Баварию к западу от реки Лех, немецкоязычные области Швейцарии и область Форарльберг в Австрии. Само слово «наречие», было введено в немецкий язык еще в 17 в. поэтом Филиппом фон Цезеном и первоначально означало «искусственное формирование». В диалектологии, благодаря трудам В.М.Жирмунского, Н.И.Филичевой, М.М.Гухман, получило распространение понятие «наречие», которое обозначает языковое образование более широкое, чем диалект.

По мнению Я. Хоссенса, диалект представляет собой диасистему множества схожих между собой языковых систем, структурное своеобразие которых осознается в их соотнесенности друг с другом, с немецкой произносительной нормой и с общим исходным диахроническим «срезом» (обычно – системой средневерхнегерманского языка). Произносительная норма литературного языка – это рекомендуемая форма употребления, кодифицированная и зафиксированная в соответствующих словарях. Разговорные и диалектные нормы образовались самостоятельно в процессе развития национального языка и представляют собой конвенционные нормы, которые достаточно полно кодифицированы [6, с. 28].

Материалом для данного исследования послужили аудиозаписи из фонда фонотеки университета г. Билефельд, Германии. Записи речи производились в феврале – марте 2004 года под руководством проф. Яна Виррера студентами билефельдского университета, факультета лингвистики и литературоведения. Информанту предлагались для чтения 5 художественных текстов, отрывки из которых записывались на диктофон. Участниками эксперимента были носители алеманнских диалектов, представители разных профессий и возрастных групп. Для анализа речи информантов использовался электронный диалектный атлас, составленный лингвистами университета г. Марбург, который позволил выявить основные произносительные особенности алеманнских диалектов (принято различать верхнеалеманнский и нижнеалеманнский) в сопоставлении с фонетической системой современного немецкого литературного языка.

В большинстве немецких диалектов, как и в литературном языке, гласные являются долгими в открытом ударном слоге. Краткие же гласные в открытом слоге представлены только в верхнеалеманнском диалекте, например: [lɛsā] – lesen, [ʃtɛlā] – stehen, [grabā] – graben. Одновременно для этого диалекта характерно и наличие долгих согласных (геминат), причем долгота гласного и долгота согласного не зависят друг от друга: одинаково возможны [lɛsā] – lesen и [ɛsā] – essen, [wīsā] – weisen и [wīsā] – weisen.

Наиболее значительные расхождения между литературным языком и диалектами, с одной стороны, и между разными диалектами, с другой, основываются на двойственной возможности развития слов с так называемым относительно открытым слогом, то есть слов, у которых в литературном языке односложные формы с закрытым слогом чередуются с флективными двусложными формами с открытым слогом, например: Tag [ta:k] – Tage [ta:ge]. В диалектах односложные формы с закрытым слогом в отличие от литературного языка могут сохранить краткость, тогда как флективные двусложные формы с открытым слогом характеризуются удлинением гласного [8, с. 115]. В алеманнских диалектах более действенной оказывается иная закономерность, согласно которой любое односложное слово с закрытым слогом подвергается удлинению. При этом первоначально двусложные формы остаются краткими там, где наличие долгого гласного или геминаты препятствовало удлинению по общему закону, например: [dīš] – Tisch, [dīš] – Tische; [sīds] – Sitz, [sitsɔ] – sitzen.

В отличие от литературного языка, для орфоэпических норм которого обязательным является сильный

приступ гласных в начале слова или ударного слога, в алеманнских диалектах гласные в потоке речи имеют слабый приступ. Отсутствие сильного приступа создает в данных диалектах возможность специфического (в корне отличающегося от литературного языка) слогоделения, при котором согласный между двумя гласными относится в потоке речи к последующему гласному, даже если он стоит в конце предыдущего слова и принадлежит к его звуковому составу, например: [bae-ni] – bin ich, [lɛðbikon-daot] – lebendig und tot. На этой особенности слогоделения основываются случаи пере разложения основ, когда к слову, начинающемуся с гласного, присоединяется начальный согласный, которым заканчивалось предшествующее слово, чаще всего артикль, например: [nast] – ein Ast, [nabend] – guten Abend.

Существенные различия между немецкими диалектами связаны с умлаутом, его новыми, не представленными в литературном языке видами и с распределением явлений умлаута по диалектам. Так например, в алеманнских диалектах, как правило отсутствует умлаут и краткий [y] перед старой геминатой kk (gg, kx): [muk] - Mücke, [bruk] - Brücke, [rugə] – Rücken, [drugə] - drücken. Менее распространен и умлаут перед суффиксами, в особенности у существительных на -er, например: [burgər] – Bürger, [khōlər] – Köhler.

В зависимости от трактовки средневерхненемецких лабиализованных гласных и дифтонгов переднего образования ö, ö, ü, ü, äu, eu, которые в немецком литературном языке сохранили свою лабиализованность, немецкие диалекты делятся на делабиализующие и лабиализующие. В делабиализующих диалектах лабиализованным гласным литературного языка [ø:], [œ], [y:], [y] и дифтонгу [œ] соответствуют [ē], [e], [ī], [i], [ai] [āi] и их позднейшие диалектные отражения; к ним присоединяется в алеманнских не подвергнувшийся здесь монофтонгизации дифтонг [iə], например: [miəd] - müde, [glik] - Glück, [lait] - Leute, [hērə] – hören.

В сфере безударного вокализма современные немецкие диалекты обнаруживают целый ряд существенных отличий от литературного языка. Процесс редукции окончаний привел к полному выпадению конечного редуцированного [ə], например: [hait] – heute, [miəd] - müde, [bruk] - Brücke. Определенный консерватизм в развитии заударного вокализма обнаруживают южнонемецкие, в особенности алеманнские диалекты, где в окончаниях и суффиксах широко сохранилось безударное [i], например: [pür] – Bäuerin, [hüş] - Häuschen. Наблюдается частичная редукция словообразовательных суффиксов, несущих в себе второстепенное ударение, например: sam>sm: [haelsm] - heilsam; bar>br: [waxbr] - wachsam; eit>ət: [gwōndt] – Gewohnheit. В диалектах гораздо шире, чем в литературном языке распространена редукция вторых компонентов сложных слов при утрате ими смысловой значимости и, как следствие этого, фонетической самостоятельности. Компоненты сложных слов, семантика которых стерлась и побледнела, уподобляются распространенным суффиксам, чаще всего суффиксу -ig, например: [frədiç] – Freitag, [lebdiç] – Lebtage. Особенно подвержены редукции местные названия на -heim, -stadt, -berg, -bach.

В верхнеалеманнском (швейцарском) сохраняется та же степень редукции e в предударных префиксах, как в швабском и баварском диалектах (выпадение предударного e перед смычными). Однако редуцированные ge-, be- здесь выступают как сильные k-, p-, например: [ks] – gesehen, [kstrāft] – gestraft, [pšissā] – betrogen, [phaltā] – behalten. Редуцированный артикль de- представлен в этих говорах как сильное t- (с ассимиляцией > p, k при последующих губных и заднеязычных), как аспирата перед h, пример: [tnaxt] – die Nacht, [pfärt] – die Fahrt, [thāks] – die Hexe.

Главные различия в консонантизме немецких диалектов и их отличия от литературного языка в данной сфере определяются закономерностями второго верхненемецкого передвижения согласных. С кругом явлений второго передвижения связаны и изменения всех других согласных, которые обуславливаются развитием системы консонантизма в целом. В верхненемецком диалекте глухие смычные p, t, k после гласных подверглись передвижению в соответствующие спиранты, а в начале слова, в удвоении и после согласных – в аффрикаты [9,140]. Характерным признаком верхнеалеманнского диалекта является передвижение k > ch-[x-] в начале слова, а также перед n с выпадением носового и знаменитым растяжением предшествующего гласного, например: «Kind» > chind - [xint]; «trinken» > triche(n) - [trix]. В нижнеалеманнском диалекте k переходит в kx: «Kind» > kxind - [kxint].

На произносительном уровне алеманнские диалекты имеют следующие характерные отличия, в сравнении с литературным языком:

1. Долгота и краткость гласных. Наличие кратких гласных в открытом слоге, например: [lɛsā] – lesen, [štɛlā] – stehen. Для алеманнского диалекта характерно наличие долгих согласных (геминат), причем долгота гласного и долгота согласного не зависят друг от друга, одинаково возможны [lɛsā] – lesen и [ɛsā] – essen. Любое односложное слово с закрытым слогом подвергается удлинению. При этом первоначально двусложные формы остаются краткими там, где наличие долгого гласного или геминаты препятствовало удлинению по общему закону, например: [diš] - Tisch / [diš] - Tische, [sids] - Sitz / [sitsə] - sitzen.

2. Характер приступа гласных. Гласные в потоке речи имеют слабый приступ. Отсутствие сильного приступа создает возможность специфического слогоделения, при котором согласный между двумя гласными относится в потоке речи к последующему гласному, даже если он стоит в конце предыдущего слова и принадлежит к его звуковому составу, например: [lɛðbikon-daot] – «lebendig und tot».

3. Умлаут. Делабиализация и лабиализация. Отсутствует [y] (умлаут и краткий) перед старой геминатой kk (gg, kx): [bruk] - Brücke, [rugə] – Rücken. Менее распространен и умлаут перед суффиксами, в особенности у существительных на -er, например: [burgər] – Bürger. Алеманнские диалекты - относят к делабиализованным диалектам. Лабиализованным гласным литературного языка [ø:], [œ], [y:], [Y] и дифтонгу [œ] соответствуют здесь [ē], [e], [ī], [i], [ai] [āi] и их позднейшие диалектные отражения; к ним

присоединяется не подвергнувшийся монофтонгизации дифтонг *iə*, например: [miəd] - müde, [glik] - Glück.

4. Безударный вокализм. Полное выпадение конечного редуцированного [ə], например: [hait] – heute, [miəd] - müde. В окончаниях и суффиксах широко сохранилось безударное *i*, например: [pür] – Bäuerin, [hüs] - Häuschen. Частичная редукция словообразовательных суффиксов, несущих в себе второстепенное ударение, например: sam>/sm: [haelsm] - heilsam; bar>br: [waxbr] - wachsam; heit>ät: [gwönät] – Gewohnheit. Редукция вторых компонентов сложных слов при утрате ими смысловой значимости и, как следствие этого, фонетической самостоятельности. Компоненты сложных слов, семантика которых стерлась и побледнела, уподобляются чаще всего суффиксу –ig, например: [frädic] – Freitag, [lebdic] – Lebttag. Выпадение предударного *e* перед смычными. Редуцированные *ge-*, *be-* здесь выступают как сильные *k-*, *p-*, например: [ks] – gesehen, [ksträft] – gestraft.

5. Консонантизм. Передвижение *k > ch-[x-]* в начале слова, а также перед *n* с выпадением носового и знаменитым растяжением предшествующего гласного, например: «Kind» > chind - [xint]; «trinken» > triche(n) - [trix]. В нижнеалеманнском диалекте *k* переходит в *kx*: «Kind» > kxind - [kxint].

Перспективы исследования. Сфера употребления диалекта не ограничивается рамками повседневно-бытового общения. Ему принадлежит определенная роль и как средству публичной речи: наряду с литературным языком диалект используется в различных конторальных советах, клубах, низших судебных инстанциях, частично на местном телевидении и радио. Факт сохранения диалекта, как одной из форм существования языка, на отмирание которой указывал в прошлом ряд лингвистов, не вызывает в настоящее время никакого сомнения. С тех пор как стало модно жить в провинции, в сельской местности, которой принадлежит и свой язык – местный диалект, популярна и диалектная литература, подобно крестьянскому дому и домашнему хлебу. Диалект является не только фактом языковой реальности в немецкоговорящей среде, он представляет собой фактор современной культуры, оставаясь актуальным, важным и интересным предметом исследований, проводимых лингвистами в разные годы.

Источники и литература

1. Гухман М.М. Вопросы формирования и развития национальных языков. – М., 1960. – 278 с.
2. Гухман М.М. Литературный язык. – М., 1970. – 241 с.
3. Домашнев А.И. Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка. – Л., 1970. – 275 с.
4. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1956. – 321 с.
5. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М., 1995. – 376 с.
6. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Киев: Рідна мова, 1998. – 254 с.
7. Москальская О.И. История немецкого языка. – Л., 1985. – 289 с.
8. Филичева Н.И. История немецкого языка. – М., 1959. – 164 с.
9. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М., 1983. – 184 с.
10. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. – М., 1992. – 178 с.
11. Цереградская В.Ю. Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка. – Л., 1970. – 215 с.
12. Dialekt und Dialektliteratur: Hans-Rüdiger Fluck/Michael Maier (Hrsg.): Dortmund: Grüwel//Konkordia, 1979. - 345 S.
13. Kleiner Dialektatlas: Hubert Klausmann, Kornald Kunze, Renate Schrambke: Konkordia Verlag/Baden GmbH, 1997. – 192 s.
14. Löffler H. Probleme der Dialektologie: Darmstadt, 1974. – 234 s.
15. Mundartliteratur. Texte aus sechs Jahrhunderten. Frankfurt/M: Manfred Bosch (Hrsg), Diesterweg, 1979. – 423 s.

Шиманович Г.М.

ВНУТРІШНЬОМОВНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ ЯК ДЖЕРЕЛО ЗБАГАЧЕННЯ СЛОВНИКОВОГО СКЛАДУ МОВИ

(на матеріалі імен особи в різних регіональних варіантах англійської мови)

Словниковий склад англійської мови продовжує поповнюватися за рахунок “внутрішніх” запозичень, пов’язаних з поліетнічністю і поліфункціональністю цієї мови, із взаємодією національних варіантів, соціальних, функціонально-стилістичних підсистем у рамках окремого національного варіанту, а також з міжваріантною взаємодією цих підсистем.

Об’єм реалізації соціолінгвістичної варіативності залежить від позамовних і мовних факторів. До позамовних факторів належать соціальні, соціолінгвістичні, хронологічні і когнітивні аспекти, до мовних – аналогія, упорядкованість, прагнення до збереження стабільного стану. Активізація варіативності може бути ознакою скорих змін або змін в розвитку (changes in progress) [6, с. 173]. Роль варіативності в розвитку мови, з одного боку, досить значна і суперечлива, з іншого боку. Завдяки варіативності утворюються передумови і умови для мовних змін, а також, вона сприяє стабілізації системи завдяки можливості вибору [5, с. 13].